

ДАНИЭЛА
СТИЛ

ДАНИЭЛА
СТИЛ

*Запретная
любовь*

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
C80

Серия «Миры Даниэлы»

Danielle Steel
IRRESISTIBLE FORCES

Перевод с английского *Н.Л. Холмогоровой*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Janklow & Nesbit Associates и Prava I Prevodi International Literary
Agency.

Стил, Даниэла.

C80 Запретная любовь : [роман] / Даниэла Стил ; [пер. с
англ. Н. Л. Холмогоровой]. — Москва : Издательство
АСТ, 2017. — 384 с. — (Миры Даниэлы).

ISBN 978-5-17-105362-8

Четырнадцать лет Мередит и Стив Уитмен были счастливы вместе, несмотря на разницу во взглядах на жизнь, — ведь бизнес-леди Мередит пожертвовала материнством ради блестящей карьеры, а доктор Стив, наоборот, не раз отказывался от больших денег ради возможности спасти простых людей в обычной больнице.

Казалось, разрушить этот союз невозможно. Но все изменилось, когда Мередит предложили высокий пост в другом городе и она согласилась. Теперь супруги встречаются все реже и постепенно отдаляются друг от друга. Между тем за Мередит настойчиво ухаживает ее обаятельный босс, а Стив проводит все больше времени в обществе очаровательной коллеги. Настоящую любовь разлука только укрепляет? Так ли это на самом деле?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-105362-8

© Danielle Steel, 1999
© Перевод. Н.Л. Холмогорова, 2000
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Глава 1

Жаркий летний день расплавил Нью-Йорк. Задолго до полудня перевалило за тридцатиградусную отметку. На асфальте, как говорится, можно было яйца печь.

В такую жару всем тяжело, но хуже всех — обитателям Гарлема. Ни кондиционеров, ни мало-мальски приличной вентиляции в домах. Зимой трущобные жители страдают от холода, летом — от невыносимой жары и духоты. Одно для них спасение — бежать из раскаленных квартир на воздух, где нет-нет да и подует ветерок.

Похоже, весь квартал высыпал сегодня на улицу: повсюду слышатся смех и детский визг, ребяшня высыпала на тротуары, а взрослые чинно восседали на вынесенных из дома складных стульях или прятались от солнца в жидкой тени полотняных тентов.

На углу 125-й улицы и Второй авеню по случаю жары были открыты оба пожарных крана: потоки мчались по пыльному асфальту, и в сточной канаве бурлил ручей по колено глубиной. Детвора, обожающая фонтаны, радостно плескалась под струями холодной воды. К четырем часам у гидранта собралась внушительная толпа.

В четыре часа десять минут в шум голосов, смех и плеск воды внезапно ворвался новый звук, хорошо знакомый здешним жителям. Сухой треск выстрелов.

На мгновение повисла тишина, затем толпа пришла в движение. Кто рванулся к дверям, кто вжался в сте-

ну; несколько женщин бросились к гидранту, схватили в охапку своих детей и побежали с ними к подъезду, под ненадежную защиту хлипких стен.

Воздух снова взорвался выстрелами, на этот раз они прозвучали где-то рядом. Трое рослых парней в кожаных куртках, вынырнув из-за угла, врезались в толпу. Они бежали сломя голову, не разбирая дороги, расталкивая женщин и детей; один из них оттолкнул молодую девушку с такой силой, что та упала на гидрант, громко вскрикнув от боли. Следом появились двое полицейских с револьверами в руках; они гнались за преступниками по пятам.

Все произошло за несколько секунд, люди не успели уйти с дороги. Снова треск выстрелов. Один бандит с криком схватился за плечо, и тут же его товарищ, обернувшись, выстрелил полицейскому в голову. Тот рухнул, нелепо взмахнув руками. Люди бросились врассыпную. В какофонию воплей и выстрелов ворвался новый звук — далекий вой полицейских сирен.

В суматохе никто не заметил, как маленькая темнокожая девочка у фонтана, вскрикнув, упала на асфальт, и белое платье ее окрасилось алым.

Никто, кроме ее матери.

Мгновение спустя погоня была окончена. Двое бандитов лежали ничком, вокруг третьего суетились санитары «Скорой помощи». Полицейские обыскивали арестованных. Один офицер присел на корточки перед подстреленным товарищем; хмурое лицо его исказилось, словно от зубной боли. А рядом, всего в нескольких футах, умирала маленькая девочка. Пуля пробила ей грудь навывлет, и кровь хлестала из раны, смешиваясь со струей из гидранта и окрашивая воду в розовый цвет.

К девочке подбежала мать, рухнула на колени, схватила дочь и прижала к себе. Струя воды била ей

в грудь, но женщина этого не замечала. Когда подошли санитары, она отшатнулась, глядя на них непонимающими глазами, и им пришлось силой брать ребенка из материнских рук.

Девочку занесли в машину «Скорой помощи», туда же усадили и мать. Женщина растерянно озиралась кругом; казалось, она не понимает, где она и что с ней.

На углу 125-й улицы было тесно — ни проехать, ни пройти. Сверкали мигалки, закладывало уши от пронзительного воя сирен. На тротуарах столпились зеваки. Две «Скорые» — одна с девочкой, вторая с раненым бандитом — снизили скорость и двигались медленно, искусно лавируя между бело-голубыми полицейскими автомобилями.

Из ближайшей машины доносились радиопереговоры: «Что?.. Да, убит. Выстрелом в голову». Люди на тротуаре переглядывались, качая головами. Убийство полицейского — не шутка. Теперь копы начнут прочесывать весь квартал. Не миновать обысков, арестов... Возможно, прольется новая кровь. Очень возможно. В Гарлеме все может случиться.

А «Скорая» уже мчалась по улицам города. Врачи хлопотали над девочкой: дали ей кислородную маску, в руку ввели иглу внутривенного питания. Но, похоже, все их усилия были тщетны. Темное личико малышки посерело, воздух со свистом вырывался из простреленной груди. А сколько крови! На полу, на бледно-зеленой форме санитаров, на руках и на платье у матери...

— Она... выживет? — нарушила тревожное молчание мать девочки.

Генриетта Вашингтон подняла на врача полные слез глаза. Доктор отвел взгляд.

— Мы делаем все, что в наших силах, мэм.

Генриетта как две капли воды походила на сотни и тысячи своих сестер по несчастью, именуемому ни-

щетою. Безработная из Гарлема. Девочка, ставшая матерью в шестнадцать лет. Одна из тех, кому жизнь не дарит ничего, кроме обманчивых посулов.

Сколько раз казалось, что ей улыбнулась судьба! Сколько раз Генриетта верила, что уж теперь-то все будет хорошо! И всякий раз оставалась у разбитого корыта и с новым младенцем на руках. Таким, как она, противозачаточные средства не по карману; вот почему к двадцати двум годам у нее было уже пятеро малышей.

Но Генриетта еще надеялась. Надеялась на лучшее — если не для себя, то хотя бы для детей. Надеялась на приличную работу; мечтала однажды встретить хорошего человека, который полюбит ее и будет заботиться о ней и детишках... Но сама понимала, что на это надежды мало. Хорошие люди обходят Гарлем стороной.

Правда, у Генриетты есть приятель, но он сам уж полгода как без работы, а на шее у него трое младших братьев и сестер. Как и Генриетта, он бросил школу в пятнадцать лет; как и Генриетта, живет на пособие или перебивается случайными заработками. Он все чаще приходит на свидания пьяным, и Генриетта его не осуждает. Оба они живут в преддверии ада, и дети их обречены еще до рождения.

«Скорая помощь», визжа тормозами, остановилась у больничного крыльца. Санитары уложили Динеллу на каталку и вывезли наружу. Она еще дышала, но еле-еле.

В холле каталку окружили медсестры и сразу повезли в хирургическое отделение. Генриетта, утирая слезы, бежала за ними. Каталку вкатили в открытые двери. Женщина в нерешительности остановилась.

Подошедший мужчина в халате сунул ей ручку и какую-то бумагу. Генриетта отпрянула.

— Что это? — испуганно спросила Генриетта.

— Нужна срочная операция! Подписывайте скорее!

Едва ли понимая, что делает, Генриетта подписала согласие на операцию. Секунду спустя около нее уже никого не было. Грохочущие каталки с больными, озабоченные врачи — все заняты своими делами, и никому нет дела до Генриетты и ее горя.

Женщина снова начала всхлипывать. Сестра в больничной униформе обняла ее за плечи и увела в закуток, где стояло несколько кресел.

— Дорогая моя, врачи делают для вашей дочери все, что могут...

Голос сестры звучал мягко, успокаивающе, но сердце было полно тревоги. Она слышала слова врача: «Девочка в критическом состоянии... Шансов практически нет». Сестра не первый год работала в больнице, но есть вещи, к которым привыкнуть трудно... может быть, и невозможно.

— Что с ней сейчас делают?

— Думаю, останавливают кровь. Бедняжка потеряла много крови...

— Он в нее выстрелил... выстрелил прямо в мою дочку...

Остальные слова потонули в рыданиях.

Генриетта не знала, чья пуля попала в Динеллу — бандита или полицейского. Да и какая разница? Если Динелла умрет, не все ли равно, герой или злодей станет ее убийцей?

По внутренней связи в операционную вызвали Стивена Уитмена. Доктор Уитмен — один из лучших хирургов в городе, с энтузиазмом сообщила медсестра Генриетте.

— Если кто-то и может спасти вашу дочку, то только он, — авторитетно заявила она, взяв несчастную мать за обе руки. — Он — лучший в своем деле. Повезло вам, что он сейчас в больнице!

Генриетта согласно кивала головой. Хотя она слабо представляла себе, что такое везение.

Вашингтонам никогда не везло. Отец Генриетты погиб в уличной перестрелке, похожей на сегодняшнюю. Вдова его с целым выводком детей осталась без гроша. Она переехала в Нью-Йорк, надеясь найти там работу, — напрасно надеялась. В Нью-Йорке семья не нашла ничего нового: та же нищета, те же опасности, подстерегающие на каждом шагу.

Сестра предложила Генриетте чашку кофе. Та снова покачала головой; по щекам ее текли слезы. Съежившись в кресле, она устремила взгляд на большие настенные часы, что равнодушно отсчитывали секунды и минуты. Было пять минут шестого.

Доктор Стивен Уитмен вошел в операционную ровно в пять часов.

Предыдущий его пациент умер в два часа пополудни. Стив не знал, за что ополчились на пятнадцатилетнего мальчугана матерые гангстеры, но знал, что паренек отстреливался и уложил троих, прежде чем пуля поразила его самого. Стив не смог его спасти — было слишком поздно. Но у Динеллы Вашингтон есть шанс... Хотя, если верить операционной сестре, шанс совсем крошечный. Пробито легкое, задето сердце, большая потеря крови... Но Стив Уитмен не из тех, кто сдается без боя.

Ровно час Стивен боролся за жизнь девочки. По лбу его под маской ручьями тек пот; глухим, слегка охрипшим голосом он отдавал распоряжения ассистентам, а когда сердечко Динеллы остановилось, начал прямой массаж сердца. Он сражался со смертью, как солдат на передовой, но и на этот раз судьба встала на сторону врага. Рана оказалась слишком серьезна, девочка — слишком мала и слаба, путь до больницы —

слишком долог. Лишь чудо могло бы спасти Динеллу, а Стив не умел творить чудеса.

В шесть часов одну минуту он вышел из операционной, на ходу сдирая с лица хирургическую маску. В такие минуты Стив ненавидел свою работу. Всякая смерть отвратительна, но когда умирает невинный ребенок... Нет, поправил себя Стив. Смерть ужасна и несправедлива всегда. Чем заслужил ее мальчик, храбро защищавший свою жизнь от разъяренных бандитов? Ему Стив тоже не смог помочь...

В такие дни Стивом овладевало отчаяние: собственный труд казался ему пустой тратой времени, жизнь — злой насмешкой, мир — бессмысленной каруселью насилия и зла. Но бывали иные дни — когда Стив выходил из смертельной схватки победителем. Долгие часы сверхурочной работы, бессонные ночи, усталость, страх и отчаяние — все забывалось ради краткого мига торжества, когда скальпель доктора Уитмена дарил обреченному новую надежду. Ради таких побед стоило работать и жить.

Стив снял хирургические перчатки и принялся мыть руки. В зеркале над раковиной отразилось его лицо — постаревшее, измученное. Стив не спал почти трое суток. Сколько раз он зарекался работать больше сорока восьми часов подряд, но, увы, благие намерения никак не желали воплощаться в жизнь. Когда сражаешься со смертью, не до того, чтобы следить за временем.

А теперь предстояло самое тяжелое. Он должен сообщить страшную весть матери.

Выйдя из умывальной, Стив направился в комнату ожидания. Сам себе он казался ангелом смерти. Несчастливая женщина на всю жизнь запомнит его лицо. Снова и снова образ Стива будет являться ей в кошмарных сновидениях.

Стив тоже не будет спать спокойно: несчетное число раз ему предстоит вспоминать личико девочки, повторять ее имя, перебирать в памяти все детали операции, вновь и вновь спрашивая себя, что еще он мог сделать, чего не учел, что упустил, где просчитался... Да, впереди у него много бессонных ночей, но разве это утешит мать несчастной девочки?

Дежурная медсестра указала ему на молодую негритянку в кресле. Розовое платье женщины было заляпано бурыми пятнами, и Стив вдруг почувствовал, как к горлу подступает тошнота.

— Миссис Вашингтон!

Женщина вскочила, словно послушная ученица на уроке. Открыла рот — и снова закрыла, не в силах вымолвить ни слова.

— Я доктор Уитмен.

Много раз (слишком много, думалось ему) Стив проходил через эту мучительную процедуру, но так и не смог к ней привыкнуть. Да и как привыкнешь к такому?.. Одно он усвоил твердо: сообщать о смерти пациента надо сразу и быстро. Паузы и промедление более мучительны.

— Должен сообщить вам печальное известие, миссис Вашингтон.

Генриетта поперхнулась на вдохе. Она уже знала, что сейчас скажет врач.

— Пять минут назад ваша дочь умерла.

Он осторожно прикоснулся к ее руке, но Генриетта едва ли это заметила. В мозгу у нее эхом отдавались страшные слова: «Она умерла... умерла... умерла...»

— Мы сделали все, что могли. Но пуля пробила легкое и задела сердце...

Стив запнулся — собственные слова показались ему донельзя бессмысленными и жестокими. К чему эти подробности? Зачем матери знать, что груд-

ная клетка ее дочери превратилась в кровавое месиво?

— Мне очень жаль.

Теперь Генриетта вцепилась ему в руку, словно утопающая; сгорбившись, она хватала ртом воздух, как будто ее ударили в солнечное сплетение. Казалось, еще секунда, и она упадет в обморок.

— Присядьте, вам станет легче, — произнес Стив, усаживая ее в кресло и свободной рукой делая знак медсестре.

В руке у него мгновенно оказался стакан воды. Но Генриетта не могла сделать и глотка: ее била дрожь, она всхлипывала без слез, тяжело и хрипло дыша, словно страшное известие сжало ей горло.

В такие минуты Стив Уитмен, чья работа — спасать людские жизни, чувствовал себя убийцей. Слава богу, такое случалось нечасто. Гораздо чаще он выходил из операционной с улыбкой победителя, а матери, жены, мужа бросались ему на шею и плакали от радости. Так бывало — но не в этот раз. Сегодня он потерпел поражение.

Стив оставался с Генриеттой, пока мог, затем передал ее на попечение медсестер и вернулся в операционную. Его ждала новая пациентка — девочка, выпавшая из окна третьего этажа.

Было уже половина одиннадцатого, когда Стив, до предела измотанный, добрался наконец до своего кабинета. На душе у него стало немного легче: последнюю пациентку удалось спасти.

Поздний вечер — самое спокойное время в больнице. Первая волна тяжелых случаев идет обычно в середине дня, вторая — после полуночи, а между девятью и двенадцатью выпадает краткое затишье. Можно присесть, закрыть глаза и на несколько минут отрешиться от больничной суеты.

На столе Стива была гора бумаг, ждущих подписи, и уже не в первый раз он пожалел, что согласился принять хлопотную должность заместителя заведующего отделением. Теперь на его плечах лежала вся бюрократическая рутина.

Стив налил себе остывшего кофе, торопливо бросил в рот пару печений «Орео». С самого утра у него не было во рту ни крошки.

Придвинув к себе стопку бумаг, Стив взялся за телефонную трубку и набрал номер.

«Может быть, Мередит еще нет, — думал Стив, прислушиваясь к долгим гудкам. — Не один я засиживаюсь на работе допоздна».

Доктор тяжело вздохнул: о возвращении в пустой дом ему сейчас не хотелось думать.

Но жена оказалась дома и взяла наконец трубку:

— Алло!

Голос Мередит звучал по-деловому, и Стив догадался, что, несмотря на поздний час, она ждет звонка из офиса. В последнее время Мередит и ее подчиненные, увлеченные новым проектом, работали, не отличая дня от ночи.

— Привет, это я.

— Привет. А почему таким убитым голосом? — поинтересовалась она.

— А ты как думаешь?! Трое суток без отдыха!

Обычное дежурство хирурга-травматолога продолжается сорок восемь часов, но в этот раз Стив проработал лишний день — согласился подменить коллегу, у которого сегодня родилась дочь.

Мередит понимающе хмыкнула. Последний раз она видела мужа во вторник утром, а сейчас уже вечер пятницы. Но за четырнадцать лет совместной жизни Мередит привыкла к такому режиму и не жаловалась. Ей ли не знать, что такое преданность своему делу?

Ведь и сама она все силы отдавала работе — трудной, утомительной, изматывающей и все же невероятно увлекательной.

Мерedit Смит Уитмен была партнером в солидной фирме с Уолл-стрит, специализирующейся по банковским инвестициям. Ее талант, трудолюбие и энергия снискали восхищение коллег. Мерedit жила своей работой, как Стив — своей; заключая крупную сделку, она испытывала такой же пьянящий восторг, как Стив — когда ему удавалось вырвать пациента из лап смерти.

— Как там твой великий проект? — спросил Стив.

Последние два месяца Мерedit готовила рекламную кампанию для привлечения покупателей к акциям одного высокотехнологичного предприятия в Силиконовой долине. Создатель компании решил превратить свое детище в акционерное общество, и фирма Мерedit взяла на себя организацию торгов.

Стив терпеливо выслушивал подробные рассказы жены, но, как ни старался, не мог понять, что интересного в бесконечных столбцах цифр и сложных вычислениях. Что делать — еще в школе ему плохо давалась математика. А Мерedit только о своем проекте и говорила. Ее привлекала новизна: рутинные банковские операции в Нью-Йорке и Бостоне изрядно ей поднадоели, а далекая Калифорния казалась неизведанной землей, полной нераскрытых возможностей.

— Продвигаемся потихоньку. — В голосе ее звучала усталость. Вот уже несколько дней Мерedit уходила на работу ранним утром, а возвращалась домой затемно. — Уже почти закончили с «красной полосой».

Стив знал, что на профессиональном жаргоне финансистов «красной полосой» называется проспект будущей кампании. Название прижилось из-за напечатанных красной краской полосок с предупрежде-